

Цзин Юну был слаб, и среди других демонов с раскрашенной кожей он считался отходом. Он дожил до сегодняшнего дня благодаря осторожности и полагаясь на эту знаменитую картину. Даже если владелец картины почувствует что-то странное в своем доме, он не будет винить в этом картину и, тем более, не позволит уничтожить ее.

В конце концов, могучие демоны с раскрашенной кожей были побеждены людьми из Сюаньмень, а Цзин Юну остался в безопасности. Он занимался духовной практикой сотни лет, и хоть его прогресс был медленным, он обрел некоторые сверхъестественные способности.

Лун Синбан выбрал уничтожить картину, чтобы спасти своего сына.

Когда стекло было снято, этот известный предприниматель из Хайпина, крупный налогоплательщик и железный человек, прошедший через ветры и бури бизнеса, наконец, не смог сдержать свою грусть. Он обнял своего давнего друга и громко плакал, как будто присутствовал на похоронах своего сына.

Режиссер Ван также в свободное от работы время увлекался живописью и был знатоком. Увидев, что этот ценный «Портрет Богини» собираются уничтожить, его глаза покраснели.

Лу Юньчжэнь действительно находится под большим психологическим давлением. Единственные вещи, более ценные, чем эта картина, к которым он прикасался в своей жизни, - это, вероятно, высокоскоростные поезда и электромобиль...

Он осторожно спросил:

- Кто это сделает?

Лун Синбан вообще не осмеливался взглянуть на него:

- Предоставим это мастеру.

Никто не хотел стать виновником уничтожения этого национального сокровища. Даже если кто-то не разбирается в искусстве, его сердце будет страдать при мысли о таком разрушении...

Лу Юньчжэнь глубоко вздохнул и осторожно снял ценную картину со стены. Внезапно ему показалось, что картина немного толще обычного, это не просто свиток, а покрытая красивой текстурой тонкая доска из золотистого шелкового фебе*.

(ПП: род древесных растений семейства Лавровые, распространенный в тропических и субтропических регионах Азии).

Он спросил Лун Синбана:

- Что это за деревянная доска?

- Картина была куплена за границей такой, какая она есть, - ответил режиссер Ван, заметив, что его друг не в состоянии выразить свою боль словами. - Не знаю, была ли она такой изначально или это дело рук иностранцев... Картина хрупкая, ее нельзя трогать, и эта доска из золотистого фехе тоже ценная, так что мы оставили ее так.

Демон с раскрашенной кожей был в ярости и не скрывал своей демонической ауры. Вся картина была окутана темно-красными злыми мыслями, которые просачивались сквозь дерево и расплывались в воздухе подобно паутине.

Лу Юньчжэнь был по-настоящему удивлен и тихо спросил Мо Чанкуна:

- Злой дух... кажется, он находится под этой картиной?

- Да, - сказал Мо Чанкун. Видя, что шизун не понимает, он негромко пояснил, - Тело демона с раскрашенной кожей - это человеческая кожа, а картина выполнена на шелке... Конечно, человеческая кожа находится под картиной.

Ситуация начала меняться.

Лу Юньчжэнь слышал от старшекурсника из общества национальной живописи, что самое важное в оформлении китайской живописи - это непосредственно полотно с краской. Если его удастся сохранить, картину можно восстановить.

Тихо посоветовавшись с Мо Чанкуном, Лу Юньчжэнь вернулся, чтобы пояснить ситуацию Лун Синбану и предложить новый план:

- Давайте попробуем отделить полотно и спасти человека?

Лун Синбан потрясенно замер.

- Демон с раскрашенной кожей будет играть со своей добычей, пока у нее не случится нервный срыв, а затем убьет ее, - жестко продолжил Лу Юньчжэнь, - Я могу контролировать ци кровавой ярости в картине, а вы быстро снимите полотно, и если жизнь Лун Цзинтяня окажется под угрозой, я сразу же разорву картину.

Убивая, демонические существа испускают ауру крови. И он, и Мо Чанкун проверили и подтвердили, что Лун Цзинтянь все еще был жив в иллюзии. После двух ночей с демоном он все еще оставался здоровым и невредимым, не оставив никаких последствий. Казалось, его дух был удивительно сильным, и, возможно, он сможет продержаться.

Лун Синбан был вне себя от радости:

- Отлично, именно так и сделаем!

Это было сложное дело, своего рода отчаянная попытка вылечить мертвую лошадь*. К счастью, режиссер Ван был художником и знал основы оформления. После осмотра он обнаружил, что картина была приклеена только по краям, закрывая человеческую кожу внутри. Это облегчало ее разборку, и, получив необходимые инструменты, они начали аккуратно снимать полотно.

(ПП: лечить мертвую лошадь как живую – идиома, метафора приложения последних усилий, чтобы спасти что-то в безвыходной ситуации)

Лу Юньчжэнь напряженно следил за зловещими изменениями в ауре под картиной, готовый приказать Мо Чанкуну уничтожить ее при любом признаке опасности. Среди всех присутствующих только он смог бы принять такое жесткое решение.

Лун Синбан помогал режиссеру, одновременно непрерывно подбадривая своего сына. Он кричал:

- Цзинтянь, пришло твое время проявить сыновнюю почтительность к своему отцу! Не бойся! Держись изо всех сил! Когда все закончится, папа купит тебе Ламборгини! Эта картина - сокровище Китая, я пожертвую ее национальному музею. Ты должен поддержать нас! Завоюй славу для своей страны! Стань героем народа!

...

Лун Цзинтянь дрожал в иллюзорном мире.

В момент нападения демона с раскрашенной кожей его мир потемнел, и когда он снова открыл глаза, он оказался в глухих горах. Вокруг раздавался стрекот насекомых, кваканье лягушек и шум ветра в листве деревьев.

Лун Цзинтянь огляделся и тихо позвал:

- Мастер Лу? Мастер Мо? Где вы, ребята?

Внезапно что-то холодное и скользкое упало ему на лицо.

Лун Цзинтянь небрежно отбросил это что-то в сторону, только чтобы обнаружить, что это была человеческая кожа. Он испуганно упал на землю, медленно поднял голову и увидел, что с ветвей старого баньяна свисают не воздушные корни, а бесчисленные куски человеческой кожи. Каждый из них был похож на демона с раскрашенной кожей, мягко танцует на холодном

ветру и распевая нечленораздельную песню.

Лун Цзинтянь обильно потел и покрылся мурашками по всему телу. Его страх был настолько велик, что он не мог даже крикнуть. Опираясь на руки, он тихо полз назад. Прежде чем человеческая кожа погналась за ним, он встал и побежал.

Ужасные звуки песен следовали за ним как призраки. Он бежал, спотыкался и долго не мог найти выход, но в конце концов обнаружил, что снова находится под тем самым деревом с кожей. Цзин Юну сидел посреди множества кусков кожи, его лицо было лишено эмоций, словно он - изысканная фарфоровая кукла.

Лун Цзинтянь заплакал, слезы и сопли стекали по его лицу, и он с горечью взмолился:

- Пожалуйста, не убивай меня!

Цзин Юну улыбнулся, из его глаз потекли две кровавые слезы. Он шаг за шагом приблизился к Лун Цзинтяню, тихо проговаривая:

- Аморальный...

- Неверный...

- Бессердечный...

- Неблагодарный...

- Гунцзы солгал мне...

- Юну умер так ужасно...

Мрачный ветер взметнулся, наполняя воздух убийственной энергией. Человеческая кожа с дерева падала вниз, создавая стену, закрывающую все пути отступления.

Цзин Юну протянул руку и схватил Лун Цзинтяня, медленно проводя рукой по его щеке. На губах у него появилась зловещая улыбка:

- В постели Юну заметил, что кожа гунцзы прекрасна...

Острые ногти вонзились в кожу, вызывая слабую боль. Кровавые глаза демона были ослепительно красными.

- Мы уже переспали, не убивай меня! - закричал Лун Цзинтянь. В момент отчаяния в его голове всплыло руководство по извинениям от подонка. Он без колебаний опустился на колени и нежно сказал, - Цзин Юну, я ошибся! Я больше не буду тебя обманывать!

Цзин Юну немного помолчал.

Лун Цзинтянь плакал и клялся небом:

- Я люблю тебя! Человек, которого я люблю больше всего на свете, - это ты. Я куплю тебе все, что ты захочешь. Я никогда больше не обращусь к монахам!

Взгляд Цзин Юну похолодел. Затем последовала острая боль.

Лун Цзинтянь издал душераздирающий вопль, как зарезанная свинья.

...

- Сын! Будь сильным! Будь мужчиной! Подумай о Ламборгини! - голос Лун Синбана уже охрип, - Продержись еще несколько секунд! Народ отечества запомнит твой подвиг!

Лу Юньчжэнь тоже волновался:

- Он еще жив.

- Хорошо, - режиссер Ван, обильно покрытый потом, наконец, извлек полотно картины. Хотя техника была грубой и вокруг картины остались повреждения, она все еще была в пределах возможности восстановления.

Под «Портретом Богини» обнаружилась еще одна картина: человеческая кожа, которая по всем правилам должна была окислиться и почернеть, осталась белой и нежной под воздействием демонической силы. На куске кожи было вытатуировано прекрасное изображение красавицы с пионом.

Это было сделано еще при жизни Цзин Юну: злодей иглой вводил краски в его спину, а затем сдирал кожу, чтобы сделать из нее картину.

- Красиво?

Люди на мгновение были поражены картиной из человеческой кожи и уже собирались уничтожить ее, но, оглянувшись, увидели, что Цзин Юну уже вышел из картины. Он нежно погладил свою кожу, вспоминая:

- Давно я не видел эту картину.

- Человек на картине - это я в те годы...

- В театре я пел замечательно, мой учитель хвалил меня за талант...

- Мне нравилось петь и играть на сцене. Какой бы тяжелой ни была жизнь, играть на сцене было нетрудно...

- Он сказал, что хочет меня поддержать, сделать меня знаменитым...

- Позже я превратился в эту картину...

- Когда я умирал, мне было так больно, поэтому я продолжал петь...

- Когда ты поешь... это не так больно.

Со слезами на глазах Цзин Юну вытащил из картины Лун Цзинтяня, этого вероломного мужчину, и на глазах у всех яростно швырнул его на землю. Он был бесполезным демоном с раскрашенной кожей. Хотя в глубине души он ненавидел это, а также знал, что этот человек полон лжи, но в конце концов, когда тот признал свою ошибку, он смягчился.

В этой жизни никто никогда не извинялся перед ним.

.....

Лун Цзинтянь смог избежать смертного приговора, но не смог избежать наказания. Его избили так сильно, что он не мог открыть глаза. Его отец с трудом узнал в этом уродливом месиве синяков своего сына.

- Папа, я тебя услышал, - он изо всех сил пытался подняться, схватил отца за край одежды и приложил все усилия, чтобы открыть один глаз. Взволнованный, он с нетерпением спросил, - Ты действительно купишь мне Ламборгини?

Лун Синбан был зол как черт и хотел отвесить этому неудачнику еще одну пощечину, но понял, что ударить больше некуда. Он силой оттащил его к дивану и обернулся, чтобы посмотреть, как мастера разберутся с демоном.

Мо Чанкун уже использовал свои цепи, чтобы связать Цзин Юну. Демон опустил голову и неподвижно ожидал наказания.

Все испытывали к нему некоторую жалость. Лу Юньчжэнь тоже был несколько смущен. Но дело в том, что вред от демонических существ не может быть оценен по жалости. Мо Чанкун поднял руку, чтобы уничтожить демона с раскрашенной кожей и картину с человеческой кожей вместе, но на полпути он внезапно обнаружил, что это неправильно. Вспомнив прошлые правила, он отступил, нахмурил брови и заколебался:

- Шизун, в этом демоне нет кровавого зла. Вы хотите разобраться с этим в соответствии со старыми правилами пика Уцзянь?

Народ растерялся.

- Конечно, следует придерживаться правил, - Лу Юньчжэнь тоже ничего не понял, но нельзя терять высокий статус эксперта. Он притворился, будто понял, улыбнулся и сказал, - Чанкун, объясни всем, в чем дело.

- Это правило было установлено шизуном ранее, - почтительно сказал Мо Чанкун. Подумав, он организовал слова, - Демоны от природы зловредны, те, кто способны сдерживать свои кровожадные инстинкты, встречаются крайне редко и им должен быть предоставлен шанс на жизнь... Поэтому шизун отправит запрос в Подземное царство, а затем приведет их обратно в секту для наблюдения и обучения, где они будут совершать добрые дела и накапливать заслуги, прежде чем их отправят снова на реинкарнацию.

Что? Что за правила он установил? Как отправить запрос в Подземное царство? А секта обозначает его семью? Лу Юньчжэнь замер, улыбка примерзла к его лицу.

Глаза Цзин Юну загорелись, и он продолжал кланяться, чтобы поблагодарить его, клянясь, что он был демоном много лет, но лишь тайно втянул немного энергии Ян и обманул нескольких подонков, но никогда никого не убивал.

Лун Синбан восхищенно сказал:

- Великая доброта.

Режиссер Ван похвалил:

- Невероятное милосердие.

Грустный и злой Лун Цзинтянь погладил свое опухшее от побоев лицо. Он хотел было расспросить Цзин Юну, как считать дело о его негласных правилах и избиении. Но, посмотрев на стоявшего рядом отца, он побоялся, что его Ламборгини исчезнет, и еще больше побоялся, что Цзин Юну снова побьет его, поэтому не осмелился ничего сказать и со злостью решил забыть об этом.

К счастью, Мо Чанкун не стал убивать Лу Юньчжэня, чтобы отправить его в Подземное царство, а предложил ему написать письмо официальному представителю...

Кто знает, как написать это письмо?

Лу Юньчжэнь чувствовал себя так, словно загонял уток на насест*, полным дураком... Он нашел лист белой бумаги для принтера и шариковую ручку. Прикусив кончик ручки, он долго думал, и, наконец, написал: «Я поймал демона с раскрашенной кожей по имени Цзин Юну. Он не совершал злых поступков. Примет ли его Подземное царство?»

(ПП: идиома, метафора принуждения людей делать что-то сверх их способностей)

Мо Чанкун нашел цветочный горшок, чтобы сжечь письмо. Эта процедура казалась особенно ненадежной и лишенной стиля. Если бы не тот факт, что Цзин Юну все еще находился рядом и благодарил тысячу раз, придавая Лун Синбану и остальным некоторую уверенность, он давно бы заподозрил в них лжецов.

Лу Юньчжэнь с тревогой сжег лист бумаги. Огонь вспыхнул, мгновенно превратившись в пепел, и ничего не произошло.

Лу Юньчжэнь подумал, что он все испортил, и хотел найти предлог, чтобы забрать Цзин Юну и разобраться с этим, пока Лун Цзинтянь не вспомнил, что он только что не выполнил свои обязательства по защите и из-за этого его избили до полусмерти и не заставил их вернуть три тысячи юаней.

Вдруг поднялся холодный ветер...

Ответа на письмо не пришло, зато появился Инь Чао*. В руке он тащил цепь, к которой был привязан злой призрак с зубами и когтями. Казалось, он уже наполовину справился с заданием, когда вынужден был все бросить и поспешить сюда.

(ПП: Инь Чао (гуйчао), также известный как посланник призраков, посланник, охотящийся за душами - призрак, ответственный за выдачу умерших в местных органах власти)

Когда демон с раскрашенной кожей затащил Лун Синбана и остальных в свою иллюзию, он временно открыл им глаза Инь-Ян, чтобы они могли его увидеть. И теперь они все это видели...

- Здравствуйте, сяньцзюнь, - Инь Чао поприветствовал с яркой улыбкой, показав восемь прокуренных желтых зубов, - Я нахожусь под командованием судьи Хэ, Ван Лаоси с улицы Фуцян, район Ле, город Хайпин. Получив письмо от сяньцзюня и опасаясь, что мой ответ может быть недостаточно ясным и замедлит важные дела, я поспешил сюда лично.

Лун Синбан почувствовал, что эта сцена ему хорошо знакома. Это тот случай, когда

сотрудники льстят начальству, желая повышения по службе.

<http://bllate.org/book/13607/1206684>